
РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Андрей Завадский

НАМ НУЖНА СВОЯ АССМАН

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика // пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8

Легко увлекающимся натурам за чтение «Длинной тени прошлого» стоит приниматься, только если нет срочных дел. Мне, например, книга Алейды Ассман едва не стоила возвращения в Москву. В апреле прошлого года я поехал в Валенсию, взяв с собой вышедший накануне русскоязычный перевод «Длинной тени прошлого». Когда настал час отправляться в обратный путь, я достал книгу и решил полистать ее в метро по дороге в аэропорт. В итоге так зачитался, что проехал свою остановку и чуть не опоздал на самолет.

Увлекательность – не главное требование к академическому тексту, но даже в российской исследовательской среде ситуация стремительно меняется: приходит осознание того, что если стилистические качества текста не на должном уровне, научная книга вряд ли сможет найти широкого читателя. В этом смысле «Длинная тень прошлого» достойна больших тиражей: чтение книги доставляет эстетическое удовольствие, что во многом заслуга переводчика – Бориса Хлебникова. К слову, на презентации книги в «Мемориале», проходившей в октябре 2014 г. в присутствии автора, Хлебников выразил готовность перевести и следующую работу Алейды Ассман (Assmann 2013), а главный редактор «Нового литературного обозрения» Ирина Прохорова идею поддержала.

Андрей Завадский – магистр публичной истории, PhD-студент Свободного университета Берлина, Германия. Электронная почта: andrei.zavadski@gmail.com

Но дело, конечно, не только и не столько в том, *как* написана книга Ассман. Важнее – *зачем* она написана. Автор ставит перед собой задачу объединить многочисленные теории и подходы к изучению проблематики памяти, существующие в гуманитарной науке, и тем самым «поднять мемориальный дискурс на новый уровень междисциплинарной интеграции» (С. 14). Методологический синтез удастся лишь отчасти, и Ассман признает это прежде других, отмечая во введении, что работа ставит больше вопросов, чем дает ответов. Тем не менее, сама попытка свести воедино методы социологов Мориса Хальбвакса и Карла Мангейма, историков Рейнхарта Козеллека и Пьера Нора, философов Авишя Маргалита и Джорджо Агамбена, писателей Марселя Пруста и Примо Леви, а также целого ряда других авторов – делает «Длинную тень прошлого» значимым вкладом в *Memory Studies*.

Книга состоит из двух частей. Ленивому читателю можно сразу переходить ко второй, но тому, кто предпочитает последовательность или руководствуется профессиональным интересом, стоит начать сначала. Ассман представляет подход к анализу индивидуальных и коллективных воспоминаний, интегрируя методологию других исследователей либо критикуя ее, а также дает определения ключевым понятиям и категориям мемориального дискурса (победители и побежденные, жертвы и преступники, фигура свидетеля, травма, замалчивание и проч.).

В сжатом виде теория Алейды Ассман известна российским исследователям, поскольку сформулирована она за несколько лет до публикации русскоязычного перевода «Длинной тени прошлого»: на немецком книга вышла в 2006 г., а сам метод был изложен в более ранних статьях (см., напр., Assmann 2004).

Концепция Ассман построена на работах Мориса Хальбвакса, Аби Варбурга и Юрия Лотмана (Тамм 2013: 461) и включает три взаимосвязанных уровня памяти: нейронный, социальный и культурный. Нейронный (биологический) уровень – это индивидуальная память, которая не может существовать без социальной коммуникации, то есть вне «социальных рамок памяти» Хальбвакса, и культурных практик – визуальных образов, текстов и т.д. Социальный и культурный уровни – это формы коллективной памяти. Социальная память носит межпоколенческий характер и способна существовать на протяжении 80–100 лет, опираясь на межличностное общение и «воспоминания, передающиеся посредством рассказов», *conversational remembering* (С. 54). По сути, этот тип памяти синонимичен тому, что Ян Ассман называет «коммуникативной памятью» (Тамм 2013: 462). Культурная память, в свою очередь, возникает, когда индивиды сохраняют воспоминания посредством материальных носителей (памятники, музеи и проч.) или трансформируют их в символические практики (ритуалы, годовщины и другие формы коммеморации). Этим обуславливается трансколенческий характер данного типа памяти, подразумевающий, что она может существовать без временных ограничений.

Отдельно Ассман выделяет политическую, или национальную, память. В отличие от культурной памяти, которая есть образование «гетерогенное, хрупкое и спорное» (С. 58), память политическая стремится упростить воспоминания, лишить их многозначности, искоренить какой бы то ни было интерпретационный плюрализм – достичь состояния «памяти строгого режима» (Копосов 2011).

Как представляется, концепт политической памяти особенно актуален для российских исследователей. Джонатан Сафран Фоер устами одного из своих героев говорит, что память как таковая важнее конкретных воспоминаний: «[в]оспоминание как действие, как процесс, как признание нашего прошлого... Воспоминания – это короткие обращения к Богу, если бы мы во все это верили...» (Фоер 2010: 52). Это предположение может быть верным, однако, на практике внимание и индивидов, и исследователей, и политиков фокусируется отнюдь не на процессе, а на содержании воспоминаний. Авторитарные, традиционалистские и теократические режимы стремятся установить над коллективной памятью контроль, чтобы обеспечить себе «монополию на все источники легитимности» (Margalit 2004: 11). Будучи частью глобальной тенденции политизации истории, в восточноевропейских странах эти процессы приобрели в начале XXI в. свою уникальную специфику (Миллер 2012). В России, например, историческая политика превратилась «в основу “новой русской идеологии”» (Копосов 2011: 256). Собственно, Ассман придерживается схожего мнения, так обрисовывая российскую ситуацию: «[з]десь господствует память победителей, которая претендует на единственно верную трактовку истории и не допускает расхождения с ней... Память оказывается в конце концов тесно связанной с вопросом о власти» (С. 288–289).

Вторая часть книги посвящена примерам, принадлежащим преимущественно немецкому «мемориальному ландшафту», в основе которого лежит память о национал-социализме и Холокосте. Иллюстративная часть важна по двум причинам: с одной стороны, немецкая исследовательница инструментализирует собственную теорию, показывая, как ее методами можно пользоваться в исследовательской практике, с другой, многие из проанализированных историй неизвестны нашему читателю.

Взять хотя бы случай Бруно Дессекера – Биньямина Вилкомирского. В 1995 г. Вилкомирский опубликовал автобиографию «Фрагменты одного детства, 1939–1948», в которой рассказывается о том, как автор пережил Холокост. Книга была переведена на 12 языков, а три года спустя оказалось, что автора на самом деле зовут Бруно Дессекер и что войну он пережил не в восточноевропейских лагерях смерти, а в благополучной швейцарской семье (С. 154–160). Ссылаясь на работу психолога Даниэля Шахтера, Ассман называет ошибку памяти, характерную для случая Дессекера – Вилкомирского, «ложной атрибуцией»: человек «вспоминает» событие, которого на самом деле никогда не было или которое произошло не с ним.

О такой сложности разграничения «исторической» и «нарративной» правды писал психоаналитик Дональд Спенс (Sacks 2013).

На российских конференциях, посвященных теме исторической памяти, то и дело приходится слышать, что нам необходима своя Алейда Ассман. Во-первых, теория исследовательницы и иллюстрирующие ее примеры связаны с немецкой памятью. Во-вторых, немецкий мемориальный дискурс отличается от российского. Концептуализация российских исследований памяти, которая учитывала бы местную специфику, ждет своего часа (и, что немаловажно, политической воли), несмотря на предпринимаемые попытки (Миллер 2012, 2009; Копосов 2011; Kalinin 2011; Калинин 2013; Oushakine 2013). Поэтому если для широкой аудитории «Длинная тень прошлого» рекомендуется как увлекательное чтение, то российским исследователям памяти, мемориальной культуры и исторической политики читать эту книгу надо обязательно. Концепция Алейды Ассман – как демократия по Черчиллю: возможно, не самый подходящий инструментарий для исследований на российской почве, но, пожалуй, лучший из существующих.

Список источников

- Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // *Неприкосновенный запас*. 2013. 2 (88): 200–214.
- Копосов Н. *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // А. Миллер, М. Липман (ред.) *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей*. М.: Новое литературное обозрение, 2012: 7–32.
- Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. 3–4 (18): 6–23.
- Фоер Дж. С. *Полная иллюминация*. М.: Эксмо, 2010.
- Assmann A. Four Formats of Memory: From Individual to Collective Constructions of the Past // C. Emden, D. Midgley (eds.) *Cultural Memory and Historical Consciousness in the German-Speaking World Since 1500*. Bern: Peter Lang, 2004: 19–37.
- Assmann A. *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention*. München: Beck, 2013.
- Kalinin I. The Struggle for History: The Past as a Limited Resource // A. Etkind, J. Fedor (eds.) *Memory and Theory in Eastern Europe*. London, 2013: 255–265.
- Margalit A. *The Ethics of Memory*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Oushakine S. A. Remembering in Public: On the Affective Management of History // *Ab Imperio*. 2013. (1): 269–302.
- Sacks O. Speak, Memory // *The New York Review of Books*. 2013. 60 (3): 19–21.
- Tamm M. Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies // *History Compass*. 2013. 11 (6): 458–473.

REVIEWS, OVERVIEWS

Andrei Zavadski

WE NEED OUR OWN ALEIDA ASSMANN

Assman A. *Diinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [The Long Shadow of the Past: Memory, Culture and Memory Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoie Literaturnoe Obozrenie, 2014. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8

References

- Assmann A. (2004) Four Formats of Memory: From Individual to Collective Constructions of the Past. C. Emden, D. Midgley (eds.) *Cultural Memory and Historical Consciousness in the German-Speaking World Since 1500*, Bern: Peter Lang: 19–37.
- Assmann A. (2013) *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention*, München: Beck.
- Foer J. S. (2010) *Polnaia illuminatsia* [Everything Is Illuminated], Moscow: Eksmo.
- Kalinin I. (2013) The Struggle for History: The Past as a Limited Resource. Etkind A., Fedor J. (eds.) *Memory and Theory in Eastern Europe*, London: 255–265.
- Kalinin I. (2013) Proshloe kak ogranichennyi resurs: istoricheskaia politika i ekonomika renty [The Past as a Limited Resource: Memory Politics and Resource Economy]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable Store], 2(88): 200–214.
- Koposov N. (2011) *Pamiat' strogogo rezhima. Istoriiia i politika v Rossii* [Memory of a Strict Regime. History and Politics in Russia], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Margalit A. (2004) *The Ethics of Memory*, Cambridge: Harvard University Press.
- Miller A. (2012) Istoricheskaia politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Memory Politics in Eastern Europe at the Beginning of the 19th Century]. A. Miller, M. Lipman (eds.) *Istoricheskaia politika v XXI v. [Memory Politics in the 21st Century]*, Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie: 7–32.
- Miller A. (2009) *Rossia: vlast' i istoria* [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*, 3–4(18): 6–23.
- Oushakine S. A. (2013) Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio*, 1: 269–302.
- Sacks O. (2013) Speak, Memory. *The New York Review of Books*, 60 (3): 19–21.
- Tamm M. (2013) Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies. *History Compass*, 11 (6): 458–473.

Olga Schmidt

HOW TO KILL A DRAGON?

Frierson C.A. (2015) *Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union*, New Haven: Yale University Press. 288 p. ISBN 978-0-30017-945-3

References

- Applebaum A. (2012) *Gulag Voices: An Anthology*, New Haven: Yale University Press.
- Frierson C. A., Vilensky S. S. (2010) *Children of the Gulag*, Yale University Press.
- Gheith J. M., Jolluck K. R. (2011) *Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile*, New York: Palgrave Macmillan.

Andrei Zavadski – MA in Public History; PhD candidate, Freie Universität Berlin, Germany.
E-mail: andrei.zavadski@gmail.com

Olga Alexandra Schmidt – MA in political science, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: oschmidt@eu.spb.ru